

А.А. Хадынская
ORCID: 0000-0001-9642-1798
Сургут, Россия
E-mail: opus2000@mail.ru

УДК 821.161.1-1(Кенжеев Б.)
DOI 10.26170/ufv19-03-06

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ В ЛИРИКЕ БАХЫТА КЕНЖЕЕВА: АКМЕИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лирики Бахыта Кенжеева на предмет отражения в ней позиции поколения диссидентов-«семидесятников». Принадлежность поэта к «третьей волне» русской литературной эмиграции определяет важность этой темы для Кенжеева, особенно для его сборников, изданных за границей в период 80-х годов XX века. Целью работы стало выявление поколенческих установок поэта, связанных с эстетической позицией преемственности и традиции в русской литературе. Творческие убеждения Кенжеева оказались в оппозиции к идеологическим постулатам литературы социалистического реализма. Анализ поэтики позволил прийти к выводу о том, что лирический герой Кенжеева осознает свою ответственность за поддержание традиции, в чем видится связь с установками акмеизма, чему способствовала «цеховая» атмосфера в группе «Московское время», к которой принадлежал поэт, а также желание создать особую литературную среду, эстетические установки группы, интерес к технике письма. В результате анализа поэтики Бахыта Кенжеева были выявлены аллюзии на лирику О. Мандельштама и других поэтов-акмеистов, что свидетельствует об общей акмеистической ориентации поэта, воспринимающего свое творчество как миссию сохранения Культуры в постакмеистическую эпоху.

Ключевые слова: третья волна эмиграции, диссидентство, тема поколения, литературные аллюзии, акмеизм, постакмеизм, русская поэзия, русские поэты, эмигрантская литература, литературные темы, лирические жанры, поэтическое творчество.

A.A. Khadynskaya
Surgut, Russia

VOICE OF GENERATION IN BAKHYT KENZHEEV'S LYRICS: ACMEISTIC DIALOGUE THROUGH TIME

Abstract. The article is devoted to the consideration of the poetry of Bakhyt Kenzheev in order to reflect the position of the generation of the dissidents of the “seventies”. The poet’s belonging to the “third wave” of Russian literary emigration determines the special importance of this theme for Kenzheev, especially for his collections published abroad during the 80s of the 20th century. The aim of the work was to identify the generational attitudes of the poet, associated with a special aes-

thetic position of continuity and tradition in Russian literature, Kenzheev's creative convictions were in opposition to the ideological postulates of socialist realist literature. Analysis of poetics allowed to conclude that the lyrical hero of Kenzheev is aware of his responsibility for maintaining the tradition, what is the connection with the acmeism attitudes, helped by the "sweatshop" atmosphere in the "Moscow time" group to which the poet belonged, and the desire to create special literary environment, aesthetic attitudes of the group, interest in writing technique. As a result of the analysis of the poetics of Bakhyt Kenzheev, allusions to the lyrics of O. Mandelstam and other acmeist poets were revealed, which testifies to the acmeistic orientation of the poet, who perceives his work as a mission of preserving Culture in the post-acmeistic era.

Keywords: the third wave of emigration, dissidence, the theme of a generation, literary allusions, Acmeism, postacmeism, Russian poetry, Russian poets, emigrant literature, literary themes, lyrical genres, poetic creativity.

Бахыт Кенжеев (р. 1950), один из здравствующих ныне представителей «третьей волны» эмиграции, в далекие 70-е годы XX века начинал как поэт-диссидент, активно сопротивлявшийся засилью советской идеологии. В конце 60-х эйфория хрущевской «оттепели» сменилась ужесточением позиций власти по всем направлениям, и диссидентство стало «культурным ответом» на идеологический «прессинг».

Группа «Московское время», членом которой был Бахыт Кенжеев, возникла в конце 70-х годов в стенах Московского государственного университета. Молодые студенты, занимавшиеся под руководством Игоря Волгина в поэтической студии «Луч», сошлись на поле любви к поэзии и общности эстетических установок. Кроме Кенжеева, в группе состояли Александр Сопровский, Алексей Цветков и Сергей Гандлевский. Кроме студенческой дружбы, их объединяло неприятие идеологических установок советской литературы, они ратовали за возврат к традиции – к тем самым классикам пресловутой школьной программы, которые, хоть и почитались, но также были поставлены на «службу государству». Творческий почерк у всех молодых поэтов был разный, поэтому говорить о поэтической школе не приходится; общим было желание уйти от идеологии и вернуться к подлинной Поэзии ради нее самой – для «семидесятих» это была очень смелая позиция.

В 1973 году группа выпустила свой первый альманах, самиздатского формата, напечатанный на машинке, позже вышло еще несколько подобных изданий с тиражом не более десятка каждый, вследствие чего сейчас они являются библиографической редкостью. Дочь Александра Сопровского, Е. Полетаева, указывает на важную задачу, которую поставили перед собой начинающие поэты: они хотели, прежде всего, создать свою литературную среду и возродить традиции великой русской поэзии, по их мнению, утерянные в официальной со-

ветской литературе, регламентированной канонами социалистического реализма и цензурой» [Полетаева].

Не без оснований можно предположить, что группа ориентировалась на «щеховое братство» Н. Гумилева, так как ставила перед собой, прежде всего, эстетические задачи. Как и для акмеистов, для них особенно важным стал принцип возврата к традиции и апелляция к сакральности Слова. М. Айзенберг считает, что поэты, имея желание вернуться к «литературной норме», обратили свое внимание именно на поэтическое мастерство, технику стиха; исследователь отмечает, что «эстетическая позиция группы имела заметную этическую подоплеку: реанимация литературной нормы мыслилась как первое движение к общей (общественной) нормальности. Как борьба с хаосом» [Айзенберг 2005: 139-140].

Жизненные пути членов группы впоследствии разошлись: Александр Сопровский, лидер и идейный вдохновитель группы, трагически погиб под колесами автомобиля в 1990 году еще совсем молодым, Алексей Цветков и Бахыт Кенжеев предпочли эмиграцию, Сергей Гандлевский остался на родине.

Их творчество еще ждет пристального исследования, но уже сегодня имеются серьезные работы по их лирике ([Кривулин 1997], [Айзенберг 2005], [Бокарев 2013]). В случае Бахыта Кенжеева важно учитывать, что в настоящее время он продолжает быть продуктивным поэтом и не менее интересным прозаиком, живя «на два дома»: имея в качестве постоянного места жительства сначала Канаду, потом США, он, тем не менее, часто бывает на родине, поэтому вопрос о принадлежности его к эмигрантской поэзии, казалось бы, может быть снят. Но следует заметить, что формирование его как поэта происходило именно в условиях вынужденной эмиграции, когда невозможность творчески высказаться вкупе с регулярными визитами в КГБ привели его к мысли в 1982 году покинуть любимую родину. То, что она любимая, сомнений не остается, если почитать его первые сборники, вышедшие за границей. В них доминирующим тоном стала ностальгия – совсем как у поколений «первой» и «второй» волн, хотя ситуация отъезда, в общем-то, несопоставимая.

Бахыт Кенжеев, будучи казахом по национальности и родившись в Чимкенте, тем не менее, по его собственному признанию, человек русской культуры. Он учился в школе в Москве, закончил МГУ, его первые стихи увидели свет в сборнике «Ленинские горы. Стихи поэтов МГУ» (1977), много произведений он опубликовал в самиздате. При всем своем убежденном диссидентстве политикой Кенжеев никогда не интересовался, его лирика главным своим предметом имеет интерес к самой поэзии, а также к человеку в мире, стремительно от поэзии ухо-

дящем. Д. П. Бак очень точно определил его как одного из редких ныне «чистых лириков», «избежавших всех пронесшихся над русской поэзией бурь деперсонализации, концептуализации и “постконцептуалистских” возвратов к исконной точке смысловых революций», стоящих «на торной дороге традиции и минимализма приемов – это теперь уже воспринимается как вызов, почище самого крутого авангарда» [Бак].

С нашей точки зрения, эстетические установки Кенжеева акмеистичны по своей сути, в этом, например, его отличие от «собрата по эмиграции» А. Цветкова, более тяготеющего к авангардистской поэтике. Это уже было подмечено рядом исследователей. В частности, А. Ю. Горбачев указывает, что поэт «почти исключительно “акмеистичен”» [Горбачев 2011: 210]. Об акмеистичности Кенжеева пишет и Т. Бек, называя его лирику «веткой акмеизма», который он усваивает через Арсения Тарковского, очень близкого ему поэта по мировосприятию. Кенжеев действительно чувствует это «кровное родство» с акмеистическим кругом; по мнению Т. Бек, «роль наследника – единственный органичный и приемлемый для Кенжеева статус в нынешней культурной реальности» [Бек].

Его поколение (поэты «Московского времени») видело свою задачу в «связывании порвавшейся цепи времен» (образ, очень частый у Кенжеева), определении своего места в настоящей (в их понимании, неидеологической) литературе. Особенно много у Кенжеева переключек с О. Мандельштамом: их роднит тематика Времени, любовь к его вещественным знакам, приметы современности, вплетенные в «культурный конгломерат» вечности, многочисленные аллюзии на архетипы мировой культуры («тоска по мировой культуре»), есть и прямые отсылки к текстам самого Мандельштама. Кенжеевские «приметы времени» подобны мандельштамовским: современность настойчиво вторгается в мир его лирики (компьютеры, реклама и пр.), не заслоняя при этом устремленности в вечность.

Кенжеев устраивает диалог с Мандельштамом сквозь время: с именем погибшего поэта для него связано, прежде всего, прошлое, и с позиции настоящего он дает оценку не только трагической странице в истории родины, но и судьбе культуры. Самого себя он ощущает как ее прямого наследника, не случайно его лирический герой порой физически ощущает присутствие Мандельштама, с чем связан убийственный натурализм, например, таких строк:

*Прошло, померкло, отгорело,
нет ни позора, ни вины.
Все, подлежавшие расстрелу,
убиты и погребены.
И только ветер, сдвинув брови,*

*стучит в квартиры до утра,
где спят лакейских предисловий
испытанные мастера.
А мне-то, грешному, все яма
мерещится в гнилой тайге,
где тлеют кости Мандельштама
с фанерной биркой на ноге.*
[Кенжеев 1984: 17]

О влиянии Мандельштама пишет и А. Ю. Горбачев, указывая, в частности, на «фонетическое эхо» старшего акмеиста в поэтическом наследии Кенжеева: «Иногда в его ностальгических строчках слышатся отзвуки мандельштамовской речи, вплоть до фонетических и интонационных совпадений, как это произошло, например, в стихотворении «Стихи Набокова. Америка. Апрель...» (эта строка обнаруживает зависимость от мандельштамовских знаменитых «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» и «Россия, Лета, Лорелея...»: и присущая акмеизму перечислительная интонация, и расфокусировка поэтического взгляда, и даже Гомер с Лорелей, «спрятавшиеся» в «Америке» с «апрелем» – явная, хотя и подсознательная, фонетическая переключка)» [Горбачев 2011: 212]. Идея «культурного эха», общая для всех акмеистов, отразилась, в частности, в названии студии «Звучащая раковина», созданной Н. Гумилевым для «поэтических студий», главным образом, молодых поэтов, чтобы они учились «улавливать звуки» иных культур, чувствовали свое место в мировой «поэтической цепи». После смерти мэтра собрания некоторое время продолжались, пока это было возможно в эпоху довлеющего «пролеткульта». Ситуация, сопоставимая с кенжеевской: поэт точно также чувствовал себя «студийцем» далекого Серебряного века, чей голос не должен был умолкнуть в окружении мощного соцреалистического «хора». Изучение фонетических «переключек» выходит за рамки нашего исследования, но, тем не менее, является лишним доказательством глубинной, содержательной культурной «преемственности» в лирике Кенжеева.

Мандельштамовские аллюзии прослеживаются и в другом стихотворении поэта, в котором строки «сквозь Петербург, похожий на разлуку» [Кенжеев 1984: 20] явно отсылают к хрестоматийным «В Петербурге мы сойдемся снова...». В стихотворении «Мне снилась книга Мандельштама...» поэт, размышляя о собственном предназначении, приходит к выводу: «... Боже правый, / на что же жаловаться мне?». Он понимает, что трагическая судьба Мандельштама, безусловно, несопоставима с его собственными земными печалью и горестями, ведь главное в том, что тот оставил потомкам. И если этот потомок

сейчас вспоминает о нем, значит, им было сделано главное дело, ибо Божественный дар был им «употреблен по назначению»:

*Смотри – и после смерти гений,
привержен горю и труду,
спешит сквозь хищных отражений
провидческую череду –
под ним гниющие тетрадки
гробов, кость времени гола,
над ним в прославленном порядке
текут небесные тела –
звезда-печаль, звезда-тревога,
погибель – черная дыра,
любовь – прощальная сестра,
и даже пагуба – от Бога...*

[Кенжеев 2004]

Для героя Кенжеева принципиально важно «организовать» этот диалог через десятилетия, чтобы стянуть «порвавшуюся цепь времен», его поколение словно проходит эту переключку Культуры: кто слышит, кто знает, для кого важно. Время в пространстве поэзии – понятие не столько хронологическое, сколько культурное, и особенно тяжело герою Кенжеева осознавать, что его поколение может застать только обломки «былых времен». По его глубокому убеждению, миссия поэта состоит в том, чтобы, живя в настоящем, сохранять память о прошлом. Получается, что для самого поэта нет этого хронологического деления, он, если его поэзия настоящая, принадлежит вечности, у него есть такая уникальная возможность «путешествия во времени», разговора «по душам» с собратьями по перу, как у того же Мандельштама – «Разговор с Данте». Но в случае Кенжеева мы имеем своеобразный временной «пролом» – советскую действительность, где «время Культуры» остановилось, прервалось, и свою задачу поэт видит в его соединении, как у Пастернака – «поверх барьеров». Особенно больно герою осознавать, что не всегда возможен спасительный возврат в историю, не все в силах поэта, советское настоящее, порой, наносит непоправимый удар по культуре:

*Я ринуть во время, в зубчатый пролом,
когда мы друг друга по имени звали,
где каменный ангел с отбитым крылом
стоял по колено в зацветшем канале –
но город пустой не ответит на зов,
вернуть не захочет ни слова, ни взгляда,
стальная пружина небесных часов
ржавеет под мокрой землей Ленинграда.*

[Кенжеев 1984: 30]

Герой Кенжеева всегда балансирует на грани вечности-современности, он, принадлежа «двум мирам», умеет видеть в настоящем прошлое, и у него очень часто возникают проблемы с «исторической идентификацией». Он часто чувствует свою «выбитость» из времени, потому как для него очевиден примат Культуры над реальностью, и как раз с последней его собственная соотносимость затруднительна: «Мы вот пережили коммунизм, переживаем новый Чикаго, и нам кажется, что это никогда ни с кем не происходило. Отсюда возникает чувство исторического одиночества. Лично мне неуютно от того, что я не могу поместить себя в правильный исторический контекст» [цит. по Бек].

Себя поэт именует «шифровальщиком» прошлого, которое имеет для него ощутимо большую ценность, чем настоящее. Минувшее помечено у него дорогими вещами, ставшими знаками времени: «Как не любить предметов, обступивших / меня за четверть века тесным кругом – / когда бы не они, я столько б позабыл» [Кенжеев 2011]. Через эти вещи, оживляемые поэтическим словом, поэт «реинкарнирует» эпоху: так для него прошлое остается живым и зримым:

*Подвальная бедность, наследие выпрених лет...
Я сам мещанин – повторяю за Пушкиным вслед –
и мучаю память, опять воскресить не могу
ковер с лебедями и замок на том берегу.*

.....
*Стеклянное диво, лиловый аптечный флакон
роняя на камни, медяк на ладони держа, –
еще отыщу тебя, чтобы прийти на поклон –
владельца пистонов, хлопушек, складного ножа...*

[Кенжеев 1992: 10]

Себя герой мыслит московским «старьевщиком», «хранителем древностей», у него важная «археологическая миссия» – отыскивать и «вытаскивать на свет божий» забытую Культуру – настоящую, присвоенную сердцем и душой, а не парадно-глянцевую, обкатанную идеологическими догмами и воспринимаемую в советском контексте как иллюстрацию советских постулатов. Он, словно реставратор, возвращает Слову его исконное Божественное звучание, и в этом смысле его можно считать наследником акмеистической линии, воспринимавшей Слово как Божественный дар:

*И с нетрезвою музой, затурканной
побирушкою, Боже ты мой,
сошлифовывать влажною шкуркою
заусеницы речи родной...*

[Кенжеев 2004]

Существование поэта есть «веществование» (кенжеевский неологизм), для него История жива фактически в прямом смысле слова, он чувствует ее в каждом найденном черепке, и каждая мелочь, незначительная вещица является для него живым свидетелем эпохи:

*Черепки он будет клеить,
вымыв мертвою водой,
и историю лелеять
на ладони молодой.*

[Кенжеев 1993]

Его привязанность к земным вещам, стремление окружить себя приметам времени есть не что иное, как попытка избежать страха смерти, столь естественного для его героя, постоянно отмечающего свою обыкновенность, тривиальность, отягощенность бытом. «Цепляясь» за вещи, он словно пытается «заземлиться», «замагнититься», чтобы не попасть под мощное тяготение энтропийных процессов. Как пишет Т. Бек, «судьбу он видит исключительно в этом свете, ни на миг не забывая, «что ветшает и с каждым мгновеньем истончается ткань бытия», и переполняется «тягучим бытием, текущим, зябнущим, прощальным», и ощущает, как «пожирает безмозглый Хронос своих потомков» [Бек].

Поэтический опыт предшественников-акмеистов подвергается Кенжеевым рефлексии, он пытается выяснить судьбу поэзии в век «атомической истерики» (Г. Иванов) и приходит к неутешительным выводам:

*Что делать нам (как вслед за Гумилевым чуть слышно повторяет
Мандельштам) с вечерним светом,
алым и лиловым?*

.....
*что нам делить с растерянными нами, когда рассвет
печален и высок? Что я молчу,
о чем я вспоминаю?*

И камень превращается в песок.

[Кенжеев 2011]

Акмеистический круг поэтов стал для Кенжеева важным полем диалога. Как эмигранту ему была близка и понятна позиция Георгия Иванова, в свое время вышедшего из лона акмеизма на «экзистенциальную дорогу», но с акмеизмом не порвавшего. Г. Иванову было важно осознавать, что там, «на самом дне сознания», когда «музыка... больше не слышна» и «не важна», единственной возможностью ощущать свое присутствие в мире становится Поэзия – лишь она одна является оправданием существования человека в мире, не замечающем

его присутствия. Кенжеев, размышляя о собственном поэтическом предназначении, солидаризируется с Г. Ивановым, и в этом проявляется его акмеистическая установка: поэзия как Божий дар, спасение и единственно возможный способ заявить миру о себе:

*Георгия Иванова листая
на сон грядущий, грустного враня,
ты думаешь: какая золотая,
какая безнадежная земля
отпущена тебе на сон грядущий,
какие кущи светятся вдали –
живи, дыши, люби – охота пуще
неволи, тяжелей сырой земли,
взлетаешь ли, спускаешься на дно –
но есть еще спасение одно...*

[Кенжеев 2004]

Герой Кенжеева демонстрирует настоящую стойкость духа – противостояние мировым разрушительным процессам поэтическим словом. В великой силе Слова были глубоко убеждены акмеисты. Как писал Н. Гумилев, «Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города». Бахыт Кенжеев перенимает акмеистическую эстафету в постакмеистическую эпоху, выступая от лица поколения, не забывшего уроков Истории и Культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенберг М. Минус тридцать по московскому времени // Знамя. 2005. № 8. С. 139-140.

Бак Д. П. Бахыт Кенжеев или «Бесцельных совпадений нет...» [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1039685/86/Bak_-_Sto_poetov_nachala_stoletiya.html (дата обращения: 20.04.2019).

Бек Т. «И был бутоном каждый атом...» [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/12/rez02-pr.html (дата обращения: 20.04.2019).

Бокарев А. С. Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской лирики 1970-1980-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 22 с.

Горбачев А. Ю. Русская литература XX – начала XXI века: избранные имена и страницы : учеб. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2011. 224 с.

Кенжеев Б. Избранные стихи 1970-1981. Ardis, Ann Arbor, 1984. 125 с.

Кенжеев Б. Из книги АМО ERGO SUM [Электронный ресурс]. М. : Независимая газета, 1993. 78 с. URL: (дата обращения: 20.04.2019).

Кенжеев Б. Невидимые. Стихи [Электронный ресурс]. М. : ОГИ, 2004. 208 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kenzheev3-3.html> (дата обращения: 20.04.2019); *Кенжеев Б.* Послания [Электронный ресурс]. М. : Время, 2011. 640 с. URL: <https://litra.pro/poslaniya/kenzheev-bahit/read/6> (дата обращения: 20.04.2019).

Кривулин В. Золотой век самиздата [Электронный ресурс] // Самиздат века. Минск – Москва, 1997. URL: <http://www.rvb.ru/np/publication/00.htm> (дата обращения: 20.04.2019).

Полетаева Е. К вопросу о манифестах поэтической группы: «Московское время» [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0> (дата обращения: 20.04.2019).

REFERENCES

Ayzenberg M. Minus tridsat' po moskovskomu vremeni // Znamya. 2005. № 8. S. 139-140.

Bak D. P. Bakhyt Kenzheev ili «Bestsel'nykh sovpadeniy net...» [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1039685/86/Bak_-_Sto_poetov_nachala_stoletiya.html (Access date: 20.04.2019).

Bek T. «I byl butonom kazhdyy atom...» [Elektronnyy resurs]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/12/rez02-pr.html (data obrashcheniya: 20.04.2019).

Bokarev A. S. Tvorchestvo poetov gruppy «Moskovskoe vremya» v kontekste russkoy liriki 1970-1980-kh godov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl', 2013. 22 s.

Gorbachev A. Yu. Russkaya literatura KhKh – nachala KhKhI veka: iz-brannye imena i stranitsy : ucheb. posobie. Minsk : TetraSistems, 2011. 224 s.

Kenzheev B. Izbrannye stikhi 1970-1981. Ardis, Ann Arbor, 1984. 125 s.

Kenzheev B. Из книги АМО ERGO SUM [Elektronnyy resurs]. М. : Nezavisimaya gazeta, 1993. 78 s. URL: (Access date: 20.04.2019).

Kenzheev B. Nevidimye. Stikhi [Elektronnyy resurs]. М. : OGI, 2004. 208 s. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kenzheev3-3.html> (Access date: 20.04.2019); *Kenzheev B.* Poslaniya [Elektronnyy resurs]. М. : Vremya, 2011. 640 s. URL: <https://litra.pro/poslaniya/kenzheev-bahit/read/6> (Access date: 20.04.2019).

Krivulin V. Zolotoy vek samizdata [Elektronnyy resurs] // Sam-izdat veka. Minsk – Moskva, 1997. URL: <http://www.rvb.ru/np/publication/00.htm> (Access date: 20.04.2019).

Poletaeva E. K voprosu o manifestakh poeticheskoy gruppy: «Moskovskoe vremya» [Elektronnyy resurs]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0> (Access date: 20.04.2019).

Данные об авторе

Хадынская Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Института гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет (Сургут).

Адрес: 628412, Россия, г. Сургут, пр. Ленина 1.

E-mail: opus2000@mail.ru.

Author's information

Khadynskaya Alexandra Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation studies, Institute of Humanitarian Education and Sports, Surgut State University (Surgut).